

NATIONAL RESEARCH
UNIVERSITY

ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ АЛЬМАНАХ

2

2014

ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ИНИЦИАТИВ

МОСКВА - САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ

При поддержке
декана факультета философии А.М. Руткевича и
заместителя декана факультета философии Д.М. Носова

Научный руководитель проекта
В.К. Кантор

Главный редактор
Сергей Любимов

Заместитель главного редактора
Ксения Митина

Философические письма: студенческий научный альманах; Национальный исследовательский университет - «Высшая школа экономики». - М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив, 2014. - 135 с.

ISBN 978-5-98712-110-8

© Центр гуманитарных инициатив, 2014.
© Национальный исследовательский университет
-«Высшая школа экономики», 2014.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Павлов И.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОЕКТА Х. ПАТНЭМА: СЛЕДОВАНИЕ ПРАВИЛУ КАК РЕАБИЛИТАЦИЯ РЕАЛИЗМА¹

Философствующий читатель, не желающий пренебрегать здравым смыслом, при взгляде на историю европейской философии легко согласится со словами М. Хайдеггера о забвении ею — европейской философией — Бытия. Но многим, наверное, не слишком близки те идеи, которые связывал с этими словами сам Хайдеггер. Конечно, вопрошание о смысле Бытия важно для нашего Dasein, но неужели оно требует отсечения всех теоретических и научных вопросов?

Хотя американский философ Хилари Патнэм и сравнивает себя с Хайдеггером², однако он все же считает, что честный мыслитель не должен пренебрегать ни теоретической и эпистемологической, ни этико-экзистенциальной проблематикой. Тезис Хайдеггера о том, что наука лишена всякого значения для вопрошания о Бытии, Патнэм считает философским жульничеством³ и настаивает на важности защиты интуиций здравого смысла.

Вынося в заглавие статьи проблему перспектив проекта Патнэма, я отчасти выражаю интеллектуальную солидарность с его позицией. Также, по моему мнению, ориентация на задачи полноценной историко-философской реконструкции при работе с современными концепциями не слишком оправдывает себя — в том числе потому, что сами философы конца прошлого и начала нынешнего веков (в особенности, принадлежащие к англо-американской традиции) не стремятся к построению завершенной философской системы. Если же речь идет о

---

1 В данной научной работе использованы результаты проекта «Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

2 В рамках вопроса о критике традиционной европейской метафизики. Putnam H. *Ethics without Ontology*. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2004. P. 16.

3 *Op. cit.* P. 79–80.

современном прагматизме, к которому и принадлежит поздняя философия Патнэма, то вопрос о продуктивности идей кажется едва ли не лучшим для направления исследовательского интереса.

Обращаясь к философии Патнэма, я рассмотрю, какую роль понятие следования правилу играет в его поздней концепции прагматического реализма, или «реализма с маленькой буквы»⁴. Задача демонстрации этой концепции как интеллектуально успешной требует особого внимания к тем перспективам применения идей Л. Витгенштейна в рамках проблемы гарантированной обоснованности, которые намечает Патнэм. В связи с этим мои рассуждения разнятся с выводами И. Д. Джохадзе, который уделяет большее внимание реконструкции философии Патнэма на фоне наследия классиков прагматизма, а к нововведениям самого Патнэма, таким как критика скептицизма и ценностный реализм, относится более осторожно⁵.

В аналитическую философию Хилари Патнэм входит как научный реалист и философ конкретных научных дисциплин⁶. Однако в 60-е годы в ходе полемики с исторической школой в философии науки Патнэм вынужден углубиться в исследование проблемы референции. В противовес своим оппонентам, которые настаивали на несоизмеримости научно-исследовательских парадигм, Патнэм стремился доказать возможность взаимного перевода языков научных теорий и, как следствие, последовательного развития науки, приводящего к реальному накоплению знания.

В статье 1975 года «Значение “значения”» Патнэм сформулировал мысленный эксперимент «Двойник Земли»⁷, который, по его замыслу, должен был опровергнуть релятивистскую интерпретацию референции. Патнэм желал доказать, что понятия истинных научных теорий реферируют не к ментальным репрезентациям, а к реальному миру.

---

4 Putnam H. The Many Faces of Realism. La Salle: Open Court, 1987. P. 17. Putnam H. Representation and Reality. Cambridge: MIT Press, 1988. P. 108.

5 См. его монографию — на сегодняшний день единственное в России исследование поздней философии Патнэма: Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

6 Макеева Л. Б. Хилари Патнэм // Философы XX века. Книга вторая. М.: Искусство — XXI век, 2004. С. 201–202.

7 Приведение этого достаточно известного мысленного эксперимента, относящегося к ранней концепции Патнэма, не входит в задачи данной статьи. Эксперимент см.: Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 173–179.

В результате этого исследования Патнэм пришел к двум результатам: к формулировке теории естественных классов, а также к социолингвистической гипотезе — представлению о «разделении лингвистического труда». Социолингвистическая гипотеза определила один из основных аспектов трактовки понятия истины в будущей концепции прагматического реализма.

Согласно этой гипотезе, из того, что люди способны ошибаться и неверно соотносить понятия с объектами реальности, не следует релятивистская трактовка референции и истины: благодаря тому, что ученые знают верное употребление понятий, весь язык приобретает референциальную определенность⁸. Если какой-либо человек или какая-либо историческая эпоха не владеет научным знанием и формулирует ложные предложения, из этого не следует, что язык сам по себе не способен реферировать к реальности, что денотатами понятий всегда являются субъективные состояния сознания, что невозможно создание истинных научных теорий.

Социолингвистическая гипотеза — первый шаг в изменении трактовки понятия истины. Полемизуя с релятивизмом на поле философии сознания, Патнэм понимает, что сохранить реалистические интуиции науки и здравого смысла можно лишь путем отделения вопроса об истинности научной теории от психологического субъективизма. Понимая, что индивидуальное сознание не может выйти за свои границы и получить доступ к реальности-самой-по-себе, Патнэм делает вывод, что субъективизм может быть преодолен только путем социальной интерпретации языка и науки.

Однако если язык рассматривается в отрыве от данных индивидуального сознания, истина не может пониматься как пассивное отображение эмпирического опыта. Сведение истины к причинно-следственным биологическим отношениям между мозгом и внешним миром, игнорирующее социальный, внепсихический аспект референции, также невозможно, поскольку мы способны реферировать к тем объектам, с которыми никогда не вступали в причинно-следственные отношения в физическом мире⁹. Таким образом, и критерий истины, и условия референции могут быть заданы лишь внутри самого языка. В этом случае для теории референции становятся ключевыми два аспекта.

---

8 Указ. соч. С. 179–181.

9 Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М.: ЦОП ИФ РАН, 1996. С. 101.

Во-первых, поскольку избежание релятивизма возможно лишь в случае действительного соответствия понятий языка научных теорий объектам реального мира, онтологическая структура мира мыслится в зависимости от логической структуры концептуальных схем. Однако с помощью теоретико-модельного аргумента Патнэм показывает, что возможны одинаково истинные описания одного и того же опыта в различных концептуальных схемах¹⁰. Так, Патнэм формулирует тезис концептуальной относительности, который сохраняется и в прагматическом реализме, что опровергает трактовку познания как пассивного отображения не только в философии сознания, но и в философии языка. Противоположную позицию, согласно которой возможно истинное описание мира в привилегированной концептуальной схеме, отображающей онтологию мира самого по себе, Патнэм называет метафизическим реализмом.

Во-вторых, понимая процесс получения истины как активную работу сообщества с миром, Патнэм приходит к выводу о том, что проблема референции неразрывно связана с проблемой понимания языковых выражений. Свою идею он иллюстрирует простым мысленным экспериментом: мы не можем сказать, что муравей, случайно прочертивший на песке линию, похожую на Уинстона Черчилля, действительно изобразил Черчилля¹¹. Так же и научные теории, пассивно (т.е. метафизически) отображающие онтологию мира либо состояния сознания, не реферируют к реальности. Если мы изображаем процесс познания таким образом, то наши теории не реферируют к реальности, а значит, понятие истины становится относительным.

Результаты теории концептуальной относительности и необходимости разделения лингвистического труда получают наиболее широкое философское осмысление в работе 80-х годов «Разум, истина и история». Патнэм подчеркивает, что отказ от метафизического реализма с точки зрения теории референции не требует релятивистской трактовки истины: понимание научной теории ученым означает его способность соотнести ее с конкретной областью опыта. Проверяя научную теорию в эксперименте, ученый сам членит реальность на объекты, к которым реферируют термины теории, и если эксперимент оказывается успешным, он подтверждает не только прикладную

---

¹⁰Реконструкцию и анализ теоретико-модельного аргумента см.: Указ. соч. С. 104–106.

¹¹Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. С. 14.

пригодность, но и истинность научной теории¹². Но как мы помним из тезиса о концептуальной относительности, результаты этого же эксперимента могут быть описаны в другой научной теории.

Патнэм подчеркивает, что в самом строгом смысле истина научных теорий является истиной в ее логическом понимании: научная теория может быть формально концептуализирована, а ее истина — установлена путем сопоставления научной теории с конкретными объектами реальности. Полемизируя с Р. Рорти, настаивающим на релятивистской трактовке истины, Патнэм подчеркивает, что он принимает формально-семантический подход А. Тарского к проблеме истинности¹³. В этом случае «с истиной нет философских проблем; все настоящие философские проблемы связаны с понятием обоснованности»¹⁴.

Чтобы понять, каким образом Патнэм решает вопрос о гарантированной обоснованности, необходимо изучить важный пункт эпистемологии Патнэма, намеченный уже в аргументе «Двойник Земли», — представление о неразрывности сообщества и среды в процессе познания. В работе «Прагматизм и реализм» фактор среды понимается уже не как выделение естественных классов, а как активная работа, орудование исследователя с окружающей средой в эксперименте. Роль экспертов, по-прежнему ответственных за референцию, дополняется ценностями рациональной коммуникации и критики, обеспечивающихся научным сообществом, рассмотренным в целом¹⁵.

Также Патнэм напоминает, что научные теории — не просто методы, но и знание, которое необходимо следует из науки, т.к. метод даже для своего применения требует теоретической интерпретации. Именно в процессе интерпретации метода (которая сопутствует, например, проведению эксперимента) ученый выделяет в реальности онтологические структуры и проверяет свою концептуальную схему на соответствие им¹⁶. Такое соответствие хотя и не является метафизически привилегированным (онтология задается, а не волшебным образом отображается концептуальными схемами), однако не ведет к релятивизации истины, если членение реальности на объекты явля-

---

12Указ. соч. С. 49–50.

13Putnam H. *Words and Life*. Cambridge, L.: Harward University Press, 1995. P. 316.

14Op. cit. P. 320.

15Putnam H. *Pragmatism and Realism*. L., N.Y.: Routledge, 2002. P. 80–81.

16 О соотношении интерпретации и верификации см.: Putnam H. *Pragmatism: An Open Question*. Oxford: Blackwell, 1995. P. 61.

ется гарантированно обоснованным. В поздних работах философ не отказывается от этого взгляда.

Это означает, что язык и сообщество, благодаря которым появляется возможность семантически корректного представления об истине, полученной с помощью проверки данной научной теории, так же важны для получения истины, как и среда¹⁷. Мы видим, что в поздней, прагматической концепции Патнэма среда и сообщество уже понимаются не только как условия установления корректной референции, но не сводятся и к релятивистским понятиям удобства и культуры. Среда, проявляющая себя в эксперименте и применении достижений науки в повседневной жизни, и сообщество ученых, работающее со средой с помощью своих концептуальных схем, подвергаемых критике, обеспечивают истинное знание лишь своим совпадением.

Ни отказ от претензии на априорное и аподиктическое постижение концептуальных схем, ни трактовка языка как совокупности языковых игр, связанных со множеством форм жизни, вовсе не сводит, по мнению Патнэма, значение термина к его употреблению¹⁸. В «Философских исследованиях» Витгенштейн пишет: «Для большого класса случаев — хотя и не для всех, — где употребляется слово “значение”, можно дать его следующее определение: значение слова — это его употребление в языке»¹⁹. Часто опускаемое витгенштейнианцами «хотя и не для всех» позволяет заявить, что в науке необходима жесткая теория референции и формальная концептуализация. Но соотношение концептуальных схем и объектов реальности происходит не магическим метафизическим образом, а в практике, строго по Витгенштейну: «О названии осмысленно спрашивает лишь тот, кто уже так или иначе знает, как к нему подступиться»²⁰.

Также необходимо помнить, что влияние ценностей (не только эпистемологических) на наши научные теории Патнэм не считает аргументом в пользу культурного и социального релятивизма. Оставаясь на позиции критики метафизического реализма, философ подчеркивает, что поскольку мы не можем мыслить процесс познания как

17Putnam. Pragmatism and Realism. P. 83. О соотношении интерпретации и верификации см.: Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995. P. 61.

18Putnam. Pragmatism: An Open Question. P. 9.

19Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть первая. М.: Гнозис, 1994. С. 99.

20Указ. соч. С. 94.

волшебное откровение научному сообществу мира самого по себе, который диктует ученому единственно верный способ своего описания²¹, мы вынуждены понимать объективную истину как продукт неразрывного динамичного взаимодействия сообщества и реальности. Сообщество разрабатывает схемы описания, однако проверяет эффективность их и в эксперименте, и в повседневном употреблении результатов научного познания.

Цитируя Патнэма и его комментаторов, И. Д. Джохадзе резюмирует: «Реальность не определяет нашего выбора [концептуальной схемы “деления на объекты”, — И.П.] (скорее наш “выбор” определяет реальность); однако это не означает иллюзорности мира: “реалии”, не зависящие от человеческой воли и разума, накладывают свои ограничения (“эмпирические и практические”) на наш образ мыслей и действий»²². Исследователь подчеркивает: «Разнообразные формы человеческого познания и жизнедеятельности, наши индивидуальные и коллективные убеждения, верования и концепты “производятся в ответ на запросы жизни” — той самой действительности, которая “заставляет считаться с собой”, “сопротивляясь”, по выражению Джеймса, вербализации»²³.

В ситуации неразделимости реальности и субъективной деятельности в единстве практики различных жизненных форм ценности оказывают значимое влияние на наше познание. Важно понимать, что машина познания реальности разворачивается не на пустом месте — и поскольку наше практическое взаимодействие с реальностью обусловлено нашими жизненными задачами, даже на уровне концептуального осмысления и интерпретации научной истины наше представление об истине неотделимо от ценностей. В работе «Реализм с человеческим лицом» Патнэм рассматривает понятие «зависимости интерпретации от интереса»: «Вариант интерпретации или объяснения может быть правильным во вполне объективном смысле применительно к контексту (ситуации) и интересам, имеющим отношение к ситуации. <...> Существуют интересы ложные, нездоровые, иррациональные — и интересы здоровые, разумные, релевантные»²⁴.

---

21 Putnam. Ethics without Ontology. P. 51.

22 Джохадзе. Указ. соч. С. 63.

23 Указ. соч. С. 66–67.

24 Цит. в пер. И. Д. Джохадзе. См.: Указ. соч. С. 61. Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge, L.: Harvard University Press, 1990. P. 220–221.

Патнэм подчеркивает, что особой ролью для научного установления истины обладают либерально-демократические ценности и дискурсивная этика, о которой пишет Ю. Хабермас. Для науки важно «устранение всех препятствующих свободному развитию мысли факторов — запретов или ограничений на постановку вопросов, выдвижение гипотез и критику альтернативных идей»²⁵. Патнэм выделяет также ряд других эпистемологических ценностей — когерентность, непротиворечивость, релевантность и простота, — не более и не менее объективных, чем эстетические и этические ценности²⁶. Повторяя идею о значимости не только окружающей среды, но и сообщества для установления истины, Патнэм подчеркивает особую роль исследовательской этики и говорит о демократизации науки²⁷. Свобода исследования и отсутствие какого-либо догматизма необходимы не только для естественных наук, но также для установления обоснованности этических и юридических норм²⁸.

Нужно еще раз отметить, что понятие обоснованности не поглощает полностью понятие истины. Хотя 3000 лет назад было рационально приемлемым утверждать, что Земля — плоская, однако это не было истиной. В связи с этим различием уже в работе «Разум, истина и история» Патнэм вводит трактовку истины как идеализации рациональной приемлемости: «Мы рассуждаем так, как если бы идеальные с точки зрения эпистемологии условия и в самом деле имели место, и мы называем высказывание “истинным”, как если бы оно было обосновано в подобного рода условиях»²⁹.

Как отмечает И. Д. Джохадзе, такая формулировка не позволяет Патнэму провести четкую грань, которая разделяла бы эпистемически идеальные условия от неидеальных, а потому модальность «как если бы» оставляет ощущение неопределенности³⁰. Осознавая эти трудности, Патнэм в 90-е годы смягчает свою позицию: во-первых, понятие «эпистемически идеальный» он заменяет на «удовлетвори-

25Патнэм Х. Ценности: создаются или находятся? // Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 213. Цит. в пер. И. Д. Джохадзе. См.: Указ. соч. С. 61. Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge, L.: Harvard University Press, 1990. P. 220–221.

26Джохадзе. Указ. соч. С. 137.

27Putnam. Pragmatism: An Open Question. P. 70–73.

28Патнэм. Ценности: создаются или находятся? С. 213.

29Патнэм. Разум, истина и история. С. 78.

30Джохадзе. Указ. соч. С. 74.

тельный» или «достаточно благоприятный»; во-вторых, он «говорит уже не об условиях вообще, а о некоторых контекстуальных условиях, ситуациях»³¹. Одним из аргументов самого Патнэма в пользу такого изменения является проблема неverified высказываний вроде «Земляне — единственные разумные существа во Вселенной», которые могут оказаться истинными³².

Понятие гарантированной обоснованности Патнэм противопоставляет метафизической концепции эпистемически идеальной ситуации, в которой было бы возможно доказательство истинности всякого истинного и ложности всякого ложного утверждения³³. Дело в том, что идея о таком гипотетическом абсолюте (представляющая собой лишь модификацию метафизико-реалистической концепции идеального языка, отображающего онтологию мира) вовсе не требуется для вынесения истинных суждений в тех ситуациях, когда гарантированная обоснованность наших суждений видна налицо.

Для иллюстрации ситуации гарантированной обоснованности Патнэм в нескольких своих работах обращается к примеру с мебелью в комнате. Например, для того, чтобы верифицировать суждение «В моем кабинете стоит кресло», Патнэму достаточно ряда простейших условий, к которому никакого отношения не имеет предполагаемое состояние «идеальной науки» спустя миллионы лет, когда не останется ни кресла, ни кабинета, ни самого Патнэма³⁴.

Этот аспект проблемы обоснованности получает и более глубокое осмысление в рамках взаимосвязи понимания языка и способности к верификации. В духе аргументов позднего Витгенштейна Патнэм подчеркивает, что слова «В этой комнате есть стулья» не тождественны выражению «Если бы были идеальные условия, в комнате были бы стулья»: мы никогда так не говорим. Философ дополняет свою раннюю теорию референции интуицией прагматической природы языковых выражений. Также он подчеркивает, что умение правильно употреблять и понимать значение предложений неразрывно связано

---

31 Указ. соч. С. 75.

32 Патнэм. Ценности: создаются или находятся? С. 217.

33 Ранее Патнэм не формулировал этот принцип настолько радикальным образом. И. Д. Джохадзе замечает, что в этом рассуждении Патнэм критикует не себя, а Пирса. См.: Джохадзе. Указ. соч. С. 75–76.

34 Reading Putnam // Ed. by P. Clark, B. Hale. Cambridge, Oxford: Blackwell, 1994. P. 291.

с умением их верифицировать: человек, понимающий, что значит выражение: «В этой комнате есть стулья», — совершенно естественно получает знание и об условиях верификации этого суждения³⁵.

Также Патнэм подчеркивает, что в очевидности того или иного знания изначально дано не только безразличие к будущему состоянию науки и его встроенность в известную практику верификации, но и естественная убежденность в отображении им реальности. Философ не устает приводить примеры и апеллировать к здравому смыслу — синеве неба над головой³⁶ и хлебной каше, которую Патнэм съел на завтрак и теперь может вынести истинное суждение о своем утреннем рационе³⁷.

Итак, с точки зрения философии естественного языка, предложение об эпистемически идеальной ситуации лишено прагматического значения и является псевдопредложением. Подобно тому, как метафизический реализм, претендуя на формулировку метапредложений о соответствии нашего языка и мира-самого-по-себе, сам лишает себя здравого подхода к научному реализму, дополненному идеей концептуальной относительности, так же и представление об эпистемически идеальной ситуации не позволяет понять интерналистские интуиции гарантированной обоснованности. В строгом смысле истина есть соответствие наших теорий объектам реальности — которые мы сами же производим. Гарантированная обоснованность той или иной концептуализации — следование правилу употребления языка, заданного формой жизни.

Патнэм вновь напоминает, что интуиции Витгенштейна не отрицают понимания истины как соответствия предложений реальности. Факт и интерпретация взаимосвязаны, и чтобы установить положение дел в мире, исследователь должен понимать смысл предложения, истинность которого он хочет установить.

Что значит понимать предложение: «В соседней комнате стоят стулья»? Осмысление этого предложения в контексте формы жизни, связанной с соотношением комнат и стульями, связанной с тем, что мы можем пойти и посмотреть: без этой формы жизни такое предложение попросту не возникло бы в естественном языке. Для науки

35Putnam. Pragmatism and Realism. P. 84

36Патнэм Х. Вопрос о реализме // Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 177.

37Указ. соч. С. 179.

действует тот же принцип: понимание научной теории включает в себя и осознание того, к каким вещам она реферирует и как мы можем с ними взаимодействовать. Интерпретация научной теории требует осознания, верифицированы ли предложения теории — и могут ли они вообще быть верифицируемы³⁸.

Витгенштейнианскую по своей сути идею гарантированной обоснованности Патнэм связывает с понятием приблизительной истины. Он возражает своим оппонентам, которые говорят о неопределенности понятия приблизительной истины. Патнэм не считает невозможным, что когда-нибудь понятие приблизительной истины получит точное определение. По крайней мере, это возможно в рамках физики, если в ней перестанут происходить научные революции и более ранние теории будут осмыслены как приближение к конечной, подобно тому, как сейчас теория Ньютона представляется приблизительно истинной. Более того, во многих эпистемических ситуациях нам вовсе не нужны точные понятия — особенно в том случае, если сами рассуждения по своей сути не требуют точности³⁹.

Следует также отметить, что уже в 80-е годы Патнэм связывает фаллибилизм научных теорий и концептуальную относительность с теорией языковых игр Витгенштейна: расширение экспериментальной практики, обеспечивающее прирост научного знания, имеет ту же природу, что и бесконечное расширение множества интерпретаций ряда натуральных чисел. Один из аспектов «метафизического импульса» реализма составляет ошибка перехода от следования правилу («Я могу продолжить ряд») к метаутверждению о самом правиле («Идеальная машина может продолжить ряд»)⁴⁰. Не утверждая, каким образом идеальная машина продолжила бы ряд до бесконечности (что невозможно), метафизический реалист, казалось бы, не обязан демонстрировать содержание абсолютного знания, чтобы утверждать его укорененную в правиле истинность. Однако сама попытка помыслить весь ряд производится из перспективы не идеальной машины,

---

38Putnam. Pragmatism: An Open Question. P. 61.

39Патнэм. Вопрос о реализме. С. 181–182. Последний тезис можно проиллюстрировать примером Витгенштейна: «Но разве бессмысленно сказать: “Встань приблизительно там!”? Представь, что я говорю это кому-то, стоящему вместе со мной на городской площади. При этом я не очерчиваю какие-то границы, а всего лишь делаю указательное движение рукой, показывая ему на определенное место». Витгенштейн. Указ. соч. С. 113.

40Патнэм. Разум, истина и история. С. 94

а человека, следующего правилу. Его неспособность помыслить весь ряд целиком иначе, чем в качестве правила, диктующего следующий шаг, то есть неспособность продемонстрировать содержательный критерий абсолютного знания, делает эпистемологически пустыми любые разговоры об идеальных машинах, следующих правилу, и, как следствие, о метафизическом доступе к истинности самих правил.

Из рассуждения Патнэма можно получить ряд выводов о перспективе использования понятия следования правилу, во-первых, для интерпретации поздних работ самого Патнэма и, во-вторых, для дальнейшего развития эпистемологии и метафизики прагматизма. Итак, для научного сообщества обоснованная критика какого-либо из своих старых положений — следующий шаг в следовании правилу, однако это не есть метафизическое осознание самого правила, актуальное понимание всего ряда, стремящееся выйти за рамки данного нам мира. Ряд актуально не дан, и мы можем лишь сделать следующий шаг, руководствуясь правилом, которое единственно возможным — а значит, объективным — образом гарантирует истинность обоснованных суждений. Каким образом мы можем поставить вопрос о реальности или нереальности самого правила? Можем ли мы, вслед за Крипке, обнаружить в проблеме следования правилу скептический парадокс и, подобно Юму, усомниться в нашей нынешней картине мира? Такие вопросы позволяют, вслед за Патнэмом, классифицировать скептиков как «разочаровавшихся метафизических реалистов»⁴¹, которые, осознав невозможность актуально познать ряд, не доверяют и правилу, лишая себя возможности сделать следующий шаг.

Приведенное выше представление Патнэма о неразрывности влияния сообщества и среды на получение научной истины позволяет проинтерпретировать концепцию следования правилу как описание научного прогресса в истории⁴². В этом случае субъектом, который следует правилу, становится сама жизнь мира: то, что традиционно воспринимается как субъективное (состояния сознания, понимание языка, повседневная практика, потребность в эксплуатации достижений науки, ценности и идеалы) и объективное (чувственный опыт, результаты его анализа, успешные эксперименты, надежность экс-

---

41 Так Патнэм называет Р. Рорти. Патнэм. Вопрос о реализме. С. 174.

42 Такая интерпретация позволяет рассмотреть важные идеи поздней философии Патнэма на фоне его раннего пафоса, направленного против релятивизма исторической школы в философии науки.

плуатации), неразрывно соединено в ней. Столь же радикально пересматривается и традиционное философское притязание на трактовку абсолютно объективного как аподиктически выведенного из данного нам первопринципа: знание объективно именно благодаря тому, что оно укоренено в не-данном, благодаря тому, что само сообщество не знает правила, которому оно следует, но отваживается сделать следующий шаг, полагаясь на ранее полученное знание и принятые ценности.

В отношении онтологии и вопроса о реализме, который явно или неявно пронизывает весь ход рассуждений Патнэма, эти идеи заслуживают едва ли не наименования нового «коперниканского переворота». Если метафизически некорректная идея репрезентации утверждала, что предложения истины, потому что они отображают реальность, то теперь мы можем сказать, предложения отображают реальность, потому что они истинны. Реальность, представленная в новом знании, не может быть рассмотрена отдельно от него, что, однако, не редуцирует мир науки и повседневной практики к «нашему» дискурсу (в духе Рорти), т.к. на предыдущем шаге это знание не было дано — как и сейчас науке и философии не дано правило, которому должен следовать эпистемологический субъект. Попытка же помыслить это правило как актуально данный ряд приводит к более уточненной концепции обоснованности как регулятивной идеи будущего идеального состояния науки — философской выдумке, которая не имеет никакого отношения ни к реальному научному прогрессу, ни к повседневной практике освоения мира.

Вопрос о присутствии нам стремлении осмыслить правило как актуально данный ряд, выходящем за рамки обсуждения доступных нам обоснованных истин, все же, на мой взгляд, может быть поставлен. Ссылка на невозможность помыслить ряд актуально не объясняет, почему же мы должны доверять правилу. Так, проблема доверия правилам, неотделимым от нашей жизни в физическом мире и среди других людей, является той самой проблемой ценности жизненного мира (“life-world”), к которой обращается Патнэм в своих последних работах. Философ подчеркивает, что эта проблема может и должна быть рассмотрена рационально, а в качестве примера защиты ценности жизненного мира обращается к наследию Хайдеггера и Витген-

штейна⁴³.

Предлагает ли Патнэм решение проблемы ценности жизненного мира, проблемы доверия правилам? Если взаимосвязь научной дискурсивной этики и экспериментализма как универсальных методов исследования, «стандартов и методологических принципов», И. Д. Джохадзе рассматривает как «способ установления и обоснования истины»⁴⁴, то вопрос о критериях, согласно которым оценивается объективность иных ценностей, направляющих наш познавательных интерес и влияющих на концептуальное осмысление данной в практике реальности, остается, по его мнению, непроясненным⁴⁵. Действительно, Патнэм не предлагает готовые ответы на все вопросы. Но он последовательно обосновывает возможность поиска объективного ответа.

Хотя фаллибилизм и отсутствие догматизма являются важной эпистемологической ценностью, но их суть — не в недостижимости объективного знания, а, напротив, в его получении. Мы можем подвергнуть сомнению наши научные теории лишь в том случае, если это сомнение — как и любой акт в рамках какой-либо формы жизни — будет обоснованным. Если к нашему знанию будут предъявлены новые требования или изменится состояние доступной для нашей практики окружающей среды (например, в случае изобретения новых измерительных приборов), прирост знания будет результатом не сомнения в прошлой парадигме, а получения новой информации. В противном случае, как Патнэм заметил уже в 80-х, мы мечтаем об идеальных машинах и сознаниях, способных разом охватить все правило, вместо того, чтобы самим следовать ему.

Здесь Патнэм вновь ссылается на Витгенштейна: хотя теоретически мы можем представить человека, который всякий раз, открывая дверь, боится, что перед нею развернется пропасть, сами мы не будем так поступать⁴⁶. В эпистемологическом преломлении прагматического реализма идея Витгенштейна выглядит еще убедительнее: из теоретической возможности изменения наших научных теорий не следует возможность сомнения в них прямо сейчас, поскольку сам акт сомнения как следующий шаг в следовании правилу задается кон-

---

43Putnam. Ethics without Ontology. P. 16.

44Джохадзе. Указ. соч. С. 83.

45Указ. соч. С. 61.

46Витгенштейн. Указ. соч. С. 119.

текстом имеющихся знаний, ценностей и задач⁴⁷. Мы не можем выйти на мета-позицию по отношению к нашим обоснованным суждениям и усомниться в них, если сама наша практика не заставит нас их изменить.

Когда мы понимаем объективность истины как укорененную в целостном жизненном мире, мы понимаем, что даже взятые сами по себе фаллибилизм и экспериментализм не могут быть провозглашены теми эпистемологическими регулятивами, в качестве которых их рассматривает И. Д. Джохадзе⁴⁸. По мнению самого Патнэма, мы не можем выделить безотказный алгоритм получения знания. Идеальный метод — еще одна метафизическая иллюзия, существующая лишь в фантазиях философов⁴⁹.

Таким образом, концепция гарантированной обоснованности, на мой взгляд, более роднит эпистемологию Патнэма с теорией форм жизни Витгенштейна и его концепцией следования правилу, чем с экспериментализмом и фаллибилизмом прагматистов. Такой вывод позволяет понять, почему же Патнэму не удалось наглядно продемонстрировать критерий гарантированной обоснованности для научного знания и пришлось обходиться шутками о мебели.

Для того чтобы понять истинность предложений ученого, надо самому быть ученым. Надо своими руками совершить контролируемый эксперимент, осознавая верификационную ценность всех тех объектов, которые закладываются в концепцию, проверяемую в эксперименте. Эксперимент может оказаться неверно поставленным — и тогда исследователь, хлопнув себя по лбу, примет новые результаты. Однако он не сможет сказать: «Уже тогда я знал, что мои первые результаты неверны». И здесь речь будет идти не о референции терминов концепции к его субъективным состояниям сознания, а о референции слов языка всей совокупности знаний сообщества к реальности неверно поставленного эксперимента.

Если ошибившийся ученый работает на передовой науки своего времени, в его лице ошибается весь холистически понятый эпистемологический субъект, неразрывно соединяющий научное сообщество и то, что оно называет реальным миром. Этот субъект неверно следует правилу — но свою ошибку он устанавливает не каким-то вол-

---

47 Джохадзе. Указ. соч. С. 54-55.

48 Указ. соч. С. 82-83.

49 Putnam. Pragmatism: An Open Question. P. 69.

шебным способом, а опираясь на уже освоенные виды практики. Если ошибку обнаруживает сообщество, готовое к самокритике, оно совершает следующий шаг в следовании правилу и приобретает истину. Но в этом случае не совсем корректно говорить, что истина хранилась в мире как противоположащем сообществу — скорее, она скрывалась в том правиле, которому следовал исследователь. И такая эпистемология, соединенная с этическим пафосом Патнэма, не может не навести на известные историко-философские аналогии и не вдохновить философствующего читателя на поиск понимания реализма здравого смысла и неоспоримых достижений науки в свете фундаментального метафизического вопрошания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть первая. М.: Гнозис, 1994. С. 74–319.
2. Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.
3. Макеева Л. Б. Философия Х. Патнэма. М.: ЦОП ИФ РАН, 1996.
4. Макеева Л. Б. Хилари Патнэм // Философы XX века. Книга вторая. М.: Искусство — XXI век, 2004. С. 199–222.
5. Патнэм Х. Вопрос о реализме // Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 166–193.
6. Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 164–235.
7. Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002.
8. Патнэм Х. Ценности: создаются или находятся? // Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 198–222.
9. Putnam H. Ethics without Ontology. Cambridge, L.: Harvard University Press, 2004.
10. Putnam H. The Many Faces of Realism. La Salle: Open Court, 1987.
11. Putnam H. Pragmatism and Realism. L., N.Y.: Routledge, 2002.
12. Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995.
13. Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge, L.: Harvard University Press, 1990.

14. Putnam H. Representation and Reality. Cambridge: MIT Press, 1991.

15. Putnam H. Words and Life. Cambridge, L.: Harvard University Press, 1995.

16. Reading Putnam // Ed. by P. Clark, B. Hale. Cambridge, Oxford: Blackwell, 1994.